

Виктор ГЕОРГИ
г. Петрозаводск

ДИВЬЯ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Предлагаем вниманию читателей несколько глав из романа Виктора Георги «Прощание славянки». Сам автор охарактеризовал его как «почти документальное повествование».

НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ

...Впереди поворотной вехой маячил 1991 год — нумерологи в своих прогнозах уже предупреждали народ о грядущих неотвратимых переменах в год, который читается как справа налево, так и наоборот.

***

— На флоте значительно возросло число так называемых невозвращенцев, то есть моряков, которые при заходе в иностранный порт отстали от своего судна. Причем отстали по собственной воле, — первый помощник капитана вслух зачитывал передовицу «Рыбника». Газету передали в район промысла вместе с почтой — письмами и бобинами новых кинофильмов. Так что на борту траулера «Верховина» царило радостное возбуждение.

— Моряки бегут со своих судов поодиночке, бегут группами, бегут тайно и открыто, — с выражением, как заправский лектор, провозглашал помполит. — Такие побеги перестали восприниматься как «предательство», потому что у них сугубо экономические мотивы. Какие?

— А тут и спрашивать не надо: за бугром живется лучше...

— Ихний плавсостав получает в десять раз больше, чем мы.

— И в твердой валюте. Разве это справедливо?

Собравшиеся в судовой столовой моряки стали прислушиваться к словам судового комиссара, комментировать его речь.

— Мы пока что, товарищи, не перешли к обсуждению газетной статьи. Слушаем

дальше, — и помполит, уже в годах и носивший китель с тремя шевронами, продолжил чтение:

— Что делать, как «закрепить» моряка за судном, закрепить экономически? Может, поможет контрактная система найма плавсостава? Надо опираться на международное трудовое право, которое пока не разработано нашим законодательством. Одно дело бросить свое рабочее место, подвести товарищей по экипажу, совсем другое — пойти по цивилизованному пути выезда из страны, которая, может, тебе и не нравится, но она — твоя Родина.

— Родина-то родина, а помните анекдот про двух червяков, папаше и сыне, которые жили в навозной куче? — вставил язвительное замечание палубный матрос Заборщиков. — Вылезает как-то сынок из кучи дерьма, смотрит по сторонам, а вокруг красота и цветы пахнут! Спрашивает он тогда:

— Папа, а почему мы живем не здесь, а в этой навозной куче?

— Так это же наша родина, сынок...

В кают-компании слышались смешки, стоящая рядом с Заборщиковым судовая буфетчица и супруга Наталка (или наоборот — сначала супруга, а потом буфетчица?) — та даже поцеловала мужа в темечко. Наталка и Фантин Заборщиконы были молодоженами, и многие завидовали матросу, поглядывая на его ладную и фигуристую «половину».

— Ты, Фантин, у нас в экипаже новенький, и имя у тебя какое-то странное, дореволюционное... Так что нечего вредительскую агитацию разводить. Не слушайте его, товарищи, и продолжим политинформацию, потому что газета врать не будет...

— Вы, товарищ первый помощник капитана, лучше объясните, почему перед рейсом мы все заключили контракт с флотом, подписали бумаги, которые, оказывается, не имеют никакого юридического значения? — спросил судовой радист по прозвищу Маркони.

— А зачем подписывал? И почему это не имеют?

— Иначе в рейс не выпускали. А вчера пришла радиограмма от профсоюза, разъясняют, что жаловаться бессмысленно...

— Без толку жаловаться, потому что всё ре-

шает начальник флота, который уже решил, что если кто самовольно покинет судно и останется в инпорту, то за него убытки по рейсу будут возмещать экипаж и семья беглеца. Как это понимать?

— Это кто там такой умный? Опять Заборщиков? А ты знаешь, как раньше называли беглецов? А называли их предателями Родины, дезертирами, отщепенцами. И ты из их числа? Тоже намылился за рубеж драпануть? Так знай же, что если встанем к причалу и капитан разрешит увольнение на берег, то я тебя в увольнение не пущу! — помполит поднялся, свернул газету и бережно засунул ее в карман.

На этом политинформация закончилась. Но народ не спешил расходиться — озабоченность в экипаже только возрастала. В начале года, по выходе в рейс, было объявлено о либерализации цен. Моряки еще не успели осознать последствий этого решения властей, надеялись на компенсацию, на русское: «авось обойдется». Но теперь стали получать письма от родных, письма с исчерпывающей информацией, что почем в магазинах и о пустых холодильниках дома. Над морем явственно стал слышен плач голодных детей...

— Заборщиков, Фантин, ты ведь до прихода к нам на «Верховину» работал на Тихом океане, когда экипажи отказались возвращаться домой без выплаты всей заработанной валюты... Расскажи, как оно там было?

— Рассказывать-то особо и нечего... Три недели сверх рейса просидели на берегу, ждали, когда выплатят нам деньги. Я сам в Перу куковал, а Наталка моя в Мурманске ждала, в ЗАГС ходила, отодвигала дату нашего бракосочетания, — начал рассказ Заборщиков, наблюдая, как супруга суетится, накрывая столы к ужину. — И только когда к нам в Кальяо представителем Минрыбхоза прилетел бывший начальник «Северыбы», то понемногу всё стало устаканиваться. Не сразу, но все же выплатили валюту, и экипажи вернулись в Россию. В основном своим ходом: большим морозильным траулерам запретили промысел в двухсотмильной перуанской зоне, работа встала. А я улетел последним самолетом... И в те дни — не поверите — нам каждый день выдавали почти по бутылке виски!

— Да ну заливать-то!

— Не может быть!

— А вот и может, — Фантин, пользуясь вниманием аудитории, с явным удовольствием продолжил:

— Там, в Перу, холера началась. И мастер наш, Федорчук Константин Николаевич, приказал на завтрак, обед и ужин выдавать по 100 граммов виски. И чтобы все выпивали перед едой, потому что алкоголь уничтожает заразных микробов. Это, я вам скажу, было испытанием на выживание! А жара стояла адская. Так что на третьи сутки тако-го рациона наши тела выделяли не пот, а виски...

— А на плато Наска был?

— В Наске я не был, врать не буду, — признался Заборщикова. — Но когда из Лимы возвращались домой, то самолет пролетал как раз над тем плато, и я видел все эти рисунки инопланетян. Как сейчас помню птицу, обезьяну и паука... Геоглифы называются.

— Так ведь домой-то лететь надо на север, а плато Наска на юге Перу, — засомневался радист Маркони.

— А я же и говорю, что эпидемия холеры там была и всё перепуталось, — явно заливал Фантин...

Для Наталии Заборщиковой, — впрочем, в экипаже ее, не лезшую в карман за острым словцом девицу, звали просто Наталкой, — для нее это был первый рейс. Окончив кулинарные курсы и выйдя замуж, она согласилась пойти в море буфетчицей, чтобы быть вместе с мужем. Молодожены жили в судовом лазарете, который на траулере был, а вот самой фельдшерицы в судовой роли не значилось. Ее обязанности возложили на Наталку. Так что, кроме как накрыть, помыть, прибрать — она еще ведала и судовой аптечкой, что вносило в жизнь некоторое разнообразие. Вот и на этот раз, ставя после ужина порожнюю тарелку в окошечко мойки, один из молодых матросов деловито и уважительно спросил:

— Скажите мне, Наталка Батьковна, а презервативы в нашей аптечке есть?

Тарелка из рук с грохотом обрушилась в мойку. Так, снова урон судовому имуществу. Урон, нанесенный не в штормовой Атлантике, а в безмятежное время стоянки в одном из заливов Канадского побережья.

— Ну что за шуточки?! — набросилась Наталка на искателя безопасного секса. — Тарелку из-за тебя разбила. Их, тарелок, и так уже не хватает...

— А почему шуточки? — пожимает плечами матрос. — Я вполне серьезно. Вдруг завтра к причалу встанем, в увольнение отпустят, а у меня в запасе презервативов нет. Так и в судовой аптечке нету?

— Нету! — отрезала шокированная темой разговора Наталка. — Напальчники есть. Аж 200 штук. Подойдут?

— Не подойдут, — вздохнул моряк. — Мне бы что-нибудь от СПИДа уберечься...

— От СПИДа есть, — обрадовалась Наталка. — «Памятка». Могу дать.

Матрос посмотрел на нее, словно собираясь покрутить пальцем у виска:

— Что мне эта «Памятка», Наталка Батьковна? И как ее применять? Замотать ею разве? И когда ее использовать: до или после?

— И почему же услуги канадских жриц любви, — не удержалась от любопытства Наталка.

— Думаю, баксов 50. Вот в Португалии было меньше — там сеанс стоил от двух до пяти тысяч эскудо, а это в пересчете на доллары от 13 до 33-х. В зависимости от, так сказать, свежести товара. И примерно столько же придется заплатить за консультацию местного врача и лечение — это если презерватив порвался.

— И что, случаи такие уже были?

— Пока Бог милует...

После ужина, сидя у себя в лазарете, Наталка решила еще раз перебрать содержимое аптечки: презервативов действительно не было.

...«Верховина» работала с канадскими промысловиками в транспортном варианте, принимая у них улов. Надо было забить трюмы под завязку и только после этого двинуть домой. Так что пока траулер стоял в небольшом заливчике, где от берега его отделяла лишь полоска воды шириной метров триста. Заманчиво зеленела молодая трава, призывно краснели черепичные крыши домов, в которых тепло светились окна. Вот она, страна, пусть чужая, но такая близкая, богатая, демократическая!

Ночью, спустив шлюпку на воду, на веслах пошли к берегу четыре моряка. Неужели не приютят их, молодых и нехилых ребят, эта земля? Работы они не боятся, не пьяницы, не преступники... К шлюпке, уже у самого берега, подлетел катер с «Верховины». Беглецы стали отбиваться от по-

гони веслами. Их оставили в покое. Узнав о массовом побеге, руководство флота потребовало, чтобы траулер срочно вернулся домой, но иммиграционные власти Канады заявили: судно будет задержано до тех пор, пока канадцы не получат гарантию оплаты в две тысячи долларов за каждого сбежавшего русского моряка. На борт были подкинута листовки, которые разгневанный помполит собирал и демонстративно сжигал в железном ведре на баке, там, где обычно собирались на перекур палубные матросы. А моряки, запершись в своих каютах, читали те листовки. В них, отпечатанных на русском языке, сообщалось, что каждый оставшийся в Канаде моряк будет получать 600 долларов в месяц: 350 — квартирные и плюс 250 долларов на питание. Курсы английского и французского языка бесплатно...

После трудных переговоров с властями «Верховина» все же снялась с якоря. К тому времени все шлюпки были закреплены стальными прижимными концами, лебедки обесточены. А когда были отданы швартовы последнего канадского промысловичка и судно собиралось взять курс на выход из залива, то — дьявольские штучки! — несколько береговых катеров один за другим прошли под бортом.

— Эй, рюс, давай к нам! — кричали и смеялись канадцы столпившимся на палубе морякам. И вдруг Наталка, стоявшая чуть поодаль от остальных, с разбега, как была в белом столовом фартуке, — сиганула через фальшборт. Один из катеров сделал крутой вираж, с него к беглянке потянулись несколько пар рук...

Остолбеневший от неожиданности Фантин пошатнулся и бросился к борту, уворачиваясь от хватавших его за плечи товарищей. И тут радист Маркони профессиональным ударом в лицо сбил Заборщикова с ног. «Прощай, любимый!» — это было последнее, что услышал Фантин, падая на палубу, по которой раскинулись его сильные, но на этот раз беспомощные руки. Только пальцы левой четырехпалой ладони, ломая ногти, скребли гофрированное железо.

* * *

«Этих людей нельзя назвать предателями. Беженцы — да, но не предатели, — писал «Рыбник»

после того, как «Верховина» вернулась в порт приписки. — Уже принят закон о порядке выезда и въезда в нашу страну, но пока он начнет действовать, времени пройдет немало. А жизнь на родной земле с каждым днем становится все хуже. И многие не ждут, а при любом удобном случае делают роковой шаг, оставляя позади то, «с чего начинается Родина».

Морякам, находящимся практически на территории чужой страны, легче, чем кому бы то ни было, сделать этот шаг... Да, отцы и деды нынешних моряков проливали кровь, отдавали жизни за землю, за волю, за лучшую долю. В наши дни их дети и внуки констатируют: ни земли, ни воли нет. А уж о лучшей доле в Отечестве и говорить не приходится.

«Я работал в море 33 года, — пишет в редакцию ветеран колхозного флота. — На сейнерах работали по 12-16 часов за гроши, а деньги уходили куда-то в бездонную бочку, наверное, на строительство коммунизма для избранных. Ушедшие с борта «Верховины» моряки — не дезертиры, а рабы. А по понятиям цивилизованного мира, раб, сбежавший от рабовладельца, не подлежит осуждению... За 33 года морского стажа я заработал 120 рублей пенсии. Сын сейчас работает в «Северыбе», и его рассказ о том, как их обсчитывают («корректируют» зарплату), вообще в голове не укладывается».

Поскольку основной мотив побега — экономический, то есть религиозных или политических причин не было, похоже, что все сбежавшие с «Верховины» моряки будут депортированы, то есть возвращены на Родину, на что потребуются определенные средства. Но это решится не скоро. Ведь флоту необходимо перечислить 2-3 тысячи долларов за каждого беглеца. Если же канадский суд решит предоставить морякам статус беженцев, то деньги флоту вернут.

Стоит посмотреть на случившееся и с другой стороны: не частное ли это дело — выбор страны проживания, как это принято во всем мире, исключая тоталитарные режимы? Прибавьте к этому кабальные условия оплаты тяжелого труда моряков (кто не знает, умножай на десять самые худшие предположения). Если переводить на валюту, то матрос пашет в сутки за полбанки пива. Абсурд? Реальность! Так что никакими флотскими

контрактами намерившегося оставить родной берег моряка не удержишь.

Далее газета предоставляла слово одному из ведущих обозревателей «Рыбника» Инне Березюк. И та вопрошала с газетных страниц:

«Что есть для меня лично Родина? Это предсмертное состояние в 4 года в блокадном Ленинграде. Детдом с воспитательницами-воровками. Общежитие. Барак. Коммуналка. Убогая «хрущевка» то ли в подвале, то ли выше. Университет — заочно, разрываясь между детьми и учебой: помогать-то некому. Заработок? От 80 аж до 400 рублей ныне. Но никогда, ни в юности, ни сейчас, не возникало у меня даже тени намека на идею покинуть свою Родину. Горечь? Да, горечь. В прошлом году в Бельгии (во время морской командировки) ревела, что называется, белугой, не могла никак понять, почему же мы такие обездоленные? Почему хорошая еда и красивая одежда нам не просто недоступны — мы даже не знаем об их существовании!

Да, еще не пухнем с голода. Еще не в рванье ходим. Но почему, объясните мне, мы должны не только смиренно склонять головы перед «временными» (70 лет!) трудностями, но, оказывается, еще и гордиться этим?! Треть населения страны за чертой бедности, но главное Родина, Отечество. Да кто же спорит с этим, я имею в виду святость этих понятий! А то, что Родина давным-давно предала своих детей, — это как? На нашей прекрасной Родине уничтожались миллионы людей — цвет нации, ее духовное и интеллектуальное богатство. На нашей прекрасной земле 70 лет бесстыдно гнали народу, то обещая неимоверно светлое будущее, то призывая молодежь к подвигам (на целине, на БАМе, в Афганистане). Сегодняшние пенсионеры — что дала им Родина взамен десятков лет практически бесплатного труда? Моей, например, месячной зарплаты не хватит, чтобы полностью отказавшись от еды, купить дочери зимние сапоги. Или, выходит, пусть в рваных походит, лишь бы Родиной гордилась?

А теперь о моряках. Я знаю их жизнь, ходила в море, пила с ними ржавую воду, по мне ползали тараканы, как и по ним, шарахалась я от крыс, как и они, маялась из-за отсутствия нормального питания и сигарет. И писала об абсурдности множества инструкций, о бессмысленном героизме,

которого требуют от моряков, и о многом-многом другом.

Да, не волоком тащили моряков на флот. Но! Они нанимались на одних условиях оплаты. Получили другие. Что же это «Родина» так непоследовательна? Конечно, Родина тут ни при чем. Может, кто-то из ушедших в Канаду моряков руководствовался иными мотивами. Убеждена, большинство, если не все, ушли в поисках лучшей доли. Да-да, по «сосисочно-джинсовым мотивам», как это сейчас называют некоторые моралисты.

Я не осуждаю наших «невозвращенцев». Хотя и не хвалю. Предательство ли этот шаг по отношению к женам, матерям, детям, оставшимся здесь? Думаю, что нет. Все знали прекрасно, что статус беженца даст им право через год вызвать семью туда, в Канаду. Да и семьи-то прекрасно понимают, зачем был сделан этот шаг. Это — более длительная, чем один рейс, разлука. Да и только. Родина, Отечество — святые понятия. И все это понимают. И потому отдавали жизнь, за них в огонь и в воду пойдет каждый. Но — в час опасности для Родины, Отечества. Тут же тихо, мирно лезут в карман моряку...

Они — не предатели. Они чуть-чуть послабей нас. А всем нам на пути к долгожданному изобилию еще не один раз предстоит переосмыслить свое отношение как к коммунистическому прошлому, так и к столь святым для советского человека понятиям патриотизма, взаимовыручки, долга перед Отечеством. Отечеством, которое так не хочется отождествлять с именами засевавших в Москве временщиков...»

ФАНТИН ЗАБОРЩИКОВ

После ЧП палубный матрос Фантин Заборщиков жил в каюте при радиорубке под присмотром радиста Маркони. Так же нес вахты, так же ходил в столовую, где еще несколько дней назад хозяйничала его Наталка. Внешне, казалось, ничего не изменилось, только в ушах у Фантина все еще звучал последний Наталкин крик. Звучал каким-то постоянным фоном, заглушенный и приглушенный ежедневными делами. Но стоило хоть на минуту остаться одному и подумать о случившемся — и руки опускались. Потому что этого не должно было быть, не могло — и точка. Ни при

каких обстоятельствах. И надо было привыкать к новой жизни. Любил ли он Наталку? Этот вопрос никогда не приходил Фантину в голову. Конечно, любил и любит! А она? Ответа не было. Лишь ее последние слова: «Прощай, любимый!»...

После стоянки, разгрузки и мелкого ремонта в порту приписки «Верховина» пошла в следующий рейс. Пошел и Фантин. Потом в третий рейс — сменившийся почти полностью экипаж уже и не знал о случившемся у канадского берега. Сам Заборщиков был у начальства на хорошем счету: спокойный, непьющий, работающий. Вот только замкнут немного, медлителен. Ребята в команде не лезли к Фантину в душу, не расспрашивали, что к чему и почему. Даже радист Маркони, с которым он третий рейс подряд был в море, — и тот на эту тему не разглагольствовал. Хотя подчас язык чесался...

В морях прошел год, а по весне Фантину всё чаще стала сниться Варзуга, отчий дом, мама, братья, сестра. Решив взять все накопившиеся неотгуленные дни, Фантин засобирался в отпуск. Теперь он просыпался с каким-то неосознанным, не поддающимся никакому контролю чувством, которое испытал, стоя со спиннингом на речной излуине. На быстрине, где еще до рывка, до борьбы, только уколовшись блесной, большая и сильная рыба идет вверх, чтобы потом, сделав в воздухе свечу, всей силой своего литого тела ринуться на глубину, биться о камни, рвать жесткие губы и разгибать стальные крючки. Это было даже не чувство, а только предчувствие единоборства, в котором противник ставит на кон не просто свою жизнь, а нечто большее: извечное, инстинктивное стремление к продолжению рода. Стремление, которое вместе с ростом рыбы сформировалось где-то там, в океанских слоях Гольфстрима, и без навигационных карт и компаса привело семужье стадо к родному берегу, заставило в безрассудном порыве преодолеть созданные людьми плотины. И теперь это чувство, это стремление диктовало условия борьбы...

Нет, не о прочности лески думает в эти минуты рыбак — что толку в японской жилке и шведском спиннинге без выдержки, умения выходить, вымотать, дать хлебнуть воздуха и послушно, как детский кораблик, подвести к берегу красавицу семгу. А после и брать-то ее в руки не хочется — жалко, как жалко смотреть на сильного, признав-

шего свое поражение противника.

— Это тебе, Фантик, не харюзов на всплеск таскать, — хвастался старший брат Григорий, принося в дом серебристую рыбину. Не с тех ли мальчишеских лет появилось в Фантине желание доказать односельчанам, что и он, самый младший в семье Заборщиковых, не лыком шит. Что нет и не может быть более удачливого, более добычливого рыбака на всем побережье...

Отца он не помнил — детей растила мать, но и она слегла, простудившись на лесоразработках. Отошла тихо ранним зимним утром, когда, иззябнув, Фантин проснулся и кинулся к ней — уже холодной, как остывшая за ночь печь. На ноги детей поставил дед Егор. Кем они ему были? Так, двоюродными внучатыми племянниками. Для сельчан, где, почитай, в той или иной степени все приходились друг другу родственниками — это седьмая вода на киселе. «Тебе бы, старый, о спасении души подумать, — бранились соседи. — Отправь ребят в районный детдом. Там и учителя не тебе чета, и обед-ужин каждый вечер...» А сами, бобылки, тайком завидовали родительским заботам Егора, помогали ему одеть-обуть сирот. Это уже потом, как ни упрявился дед, а пришлось-таки отдать старшего, Гришку, в интернат. Когда подросток Павел — и он уехал учиться в райцентр. К тому времени Фантину было шесть, сестре — восемь лет, а старому Егору годков шестьдесят, не меньше.

Чего только в детстве было не было — разве сейчас упомнишь? Всё было. И всего не было. Главное, была у Фантина сила, вернее, было предчувствие скорой силы. Знал он, что и завтра, и послезавтра — стоит только выйти на крыльцо — так же неторопливо будет нести свои воды кормилица Варзуга. А рядом с ней не пропадешь. Летом дед Егор в одному ему известных местах раскидывал по реке маленькие дырявые сети, перекрывал извечные глубинные ходы рыбы. А ближе к устью всей бригадой ставили колхозные рыбаки многометровые заборы из неводов — отсюда, видно, и пошла фамилия Заборщиковых.

Каждый день, пусть порой и без хлеба, имели Фантин с сестрой почти сытный ужин. Весной, когда запасы подходили к концу, уплетали за обе щеки и рыбку «поморского» засола — с душиком. Заткнешь нос и ешь — всё лучше, чем на пустой живот спать ложиться. Так и жили.

Допризывное лето показалось Фантину до смешного коротким. Не по календарным меркам — в памяти запало оно то узкой солнечной полосой, пробившейся ни свет ни заря сквозь дверную щель, то чистой лентой песка на речном перекате, к которому, выбиваясь из сил, стремился он в своих снах. Плыл, преодолевая течение, но так и не мог выбраться на спасительный берег. И тогда стремнина относилась в сторону, затягивала в водоворот, бросала на камни порога...

Об армии много говорить смысла нет: кто не служил — не поймет, а другим толковать — только время терять. Последние полгода тянулись как хромота кобыла. Знал Фантин, что остался старый Егор один: сестра в городе, замуж вышла, своей жизнью живет; средний брат Павел в каких-то начальниках в райцентре ходит, а старшего, Григория, где-то по стране мотает — земля большая, руки молодые да сильные везде нужны. Помнит, как самолетом летел он после дембеля домой. Как с интересом, не узнавая, посмотрел на него сельский почтальон, как стрельнула глазом молодуха, подписывая накладные на полученный товар и одновременно заигрывая с пилотами. Отказавшись от любезно предоставленного места в телеге, куда помог уложить мешки с продуктами, нарочито неторопливо пошел Фантин на край аэродромной площадки. Снял пилотку, провел ладонью по стриженной голове, улыбнулся: «Словно лужайка после первого укуса...» И вдруг, не сдержав слез, бросился вниз, к деревне, где на отшибе у самой реки примостился домик деда Егора.

Что было потом — лучше не вспоминать. Остановился только посреди избы, плечом выдавив охнувшие двери. В сумраке дохнуло на Фантина нежилым тяжелым духом. Понял парень, что давно уже здесь никто его не ждет. Недоуменно вышел на свет, присел на крыльцо и только тогда заметил крест-накрест заколоченные горбылями окна, просевшую крышу, подгнивший нижний венец сруба. У калитки стоял соседский дружок, демобилизованный годом раньше. Он-то и рассказал, как осенью по какому-то глупому наговору пришли к деду Егору районные инспекторы рыбоохраны. Сделали обыск, конфисковали полбочонка засоленной на зиму семги и увезли старого как злостного браконьера с собой. А еще передал сосед письмо, в котором большими аккуратными

буквами сообщалось о том, что живет он хорошо, что вот довелось на старости лет по железной дороге проехать, новые места посмотреть, а что из-за решетки — так на все воля Божья. От сумы миловал, а от тюрьмы...

* * *

Один из ящиков пирамиды, составленной из почтовых, больно ударил по плечу, вывел Фантина из задумчивости. Развернувшись, юркий Ан-2 заходил на посадку. Подняв ящик, невольно прочитал адрес: село Варзуга Терского района, Заборщикову Павлу Павловичу. Стало быть, среднему в семье брательнику — Павел нынче в колхозе за председателя. Только вот самому младшему из братьев варягу-мореходу Фантину никто уже не пришлет гостинец сюда, где столь распространена фамилия Заборщиковых.

Коснувшись колесами земли, подпрыгнув раз другой, самолет резко затормозил. Выругавшись и пнув с досады вновь ожившие почтовые ящики, Фантин стал выбираться из салона. Подхватил чемодан, спрыгнул на землю и, не здороваясь с подбежавшими мужиками, зашагал в противоположную от дороги к селу сторону. Не так, ох, не так представлял он свой нынешний приезд в Варзугу после долгой разлуки, да еще дурацкий чемодан в руках с полдюжиной бутылок пива для брательника, катушкой лески и импортным разборным удилищем в мягком кожаном чехле.

— С чемоданом этим, как пижон какой-то... — подумал. — Впрочем, а чем он лучше — пижон и есть. Вырядился фраером, пиджак напялил — еще бы галстук нацепил. Как же — встречай, лапотное племя, горожанина Фантина Заборщикова! Встречай и завидуй рыбаку-мореходу, обошедшему полсвета и покоровшему экватор...

У изгиба реки, скрытый от лишних глаз крутым угором, Фантин торопливо собрал спиннинг и с остервенением, раз за разом, стал забрасывать на стремнину тяжелую магазинную блесну. Поклевки не было. Успокоившись, оставил это бесполезное занятие. Вышел на берег, собрал снасти и уложил их в злополучный чемодан. Захлопнул крышку, закатал брючины, снял промокшие туфли и, связав их шнурками, перекинул через плечо. Теплый песок ласкал утопавшие в нем голые пятки. За мы-

ском деревенская пацанва ловила хариусов: стоят с удочками в руках, ждут, когда рыба соблазнится летящим над водой комариком, покажет себя. И тогда надо, не мешкая, кинуть на всплеск леску с крючком, с насаженным на него червяком. А через секунду уже вытягивать на берег упирающуюся, трепещущую на солнце добычу...

Тропа вывела наверх, заставила остановиться, отдышаться. Полноводная и неторопливая, Варзуга широкой лентой разделила село на две неравные половины. Длинные волны от плоскодонной моторки пересчитывали камни мелководья. Отражаясь в воде, невзрачная в ранних сумерках Успенская церковь по самую маковку укуталась в бледно-розовый шарф, вытканый из лучей заката. Церковь была так естественна в своем полете над рекой, что хотелось упасть на колени и покаяться. Покаяться в прошлых и будущих грехах, столь мелочных перед возможностью прикоснуться к неизъяснимому и необъяснимому чуду существования на земле. В такие минуты можно понять далеких предков, одухотворявших природу. Ведь должен же был кто-то создать этот простор, реки и озера, восходы и закаты. Должен же был кто-то вдохнуть в человека непреодолимое желание шагать на край света и каждый раз возвращаться в родные места. И, зарекаясь, каяться, а потом вновь собираться в путь...

Вечерело. Нагулявшись на островных заливных лугах, прошло по песчаной отмели стадо коров. «Десятков шесть будет», — отметил про себя Фантин. Спешили на ферму жёнки с бидонами в руках, торопились отовариться молоком да сливками на выписанные в колхозной конторе талоны.

Подойдя к околице, Фантин вдруг застеснялся своего городского костюма, закатанных штанин, полупустого чемодана. Но делать нечего — зашагал к центру села, где жил нынче Павел. Не обращая внимания на трусливую сучку, твякающую из-под крыльца, толкнул дверь и, не стучась, вступил из коридора в горницу.

Под самым потолком ярко светила голая электрическая лампочка. Под ней за столом сидел Павел с каким-то мужиком. Ужинали, но без бутылки. Рядом как-то слишком усердно хлопотала жена брательника.

— Ну что ж, здорово, Фантин, — встал из-за стола Павел. — Я уж тебя жду-жду. Прилетел, го-

ворят, да сразу как сквозь землю провалился.

Повернувшись к незнакомцу, Павел нарочито радостно воскликнул:

— Знакомьтесь, Михаил Александрович, мой младший брат. Из города, так сказать. Приехал в нашу глухомань родственников навестить.

— Здравствуйте, — поднялся навстречу мужик, протягивая руку. — А я вот зашел на огонек. В конторе за день обо всех делах с председателем не переговоришь — решили прихватить и вечерок. Ну да не я, а вы тут желанный гость. Так что не буду мешать... Одна просьба: завтра не забудьте зайти в сельсовет, отметку о прибытии сделать. Места у нас заповедные, так что таков нынче порядок.

— Ну, а вам, хозяйева, — мужик повернулся к Павлу с супругой, — вам спасибо за хлеб-соль и до свидания. Принимайте родственника...

По тому, как вышел брат вслед за мужиком в коридор, как суетилась супруга, уговаривая его посидеть еще, попить чайку, понял Фантин, что объявился не вовремя. Что мужик этот, видно, какая-то шишка из района. «Ну и черт с ним, — подумал, — уж больно много нынче начальников развелось — ступить некуда».

Проводив гостя, Павлова супруга, так и не поздоровавшись, прошмыгнула в свою комнату. Прикрыла дверь, оставила братьев наедине. Павел уселся на прежнее место. Молчание затягивалось, и Фантину казалось, что непривычно резкий электрический свет заставлял не только прищуривать глаза, но и мешал началу разговора. Из писем он знал, что распорядок дня села теперь зависит от работы молочной фермы. И пока шла вечерняя дойка, до тех пор и стучал колхозный движок, обеспечивая электроэнергией коровник и жилые дома.

— Ты вот что, Фантин, — начал разговор Павел, глядя в сторону. — Ты ешь-ешь... Коль приехал — мы рады, родная кровь все-таки. А вот с этим браконьерством своим — брось, слышь, пока не поздно. Думаешь, Михаил Александрович не знает, где сегодня полдня пропадал и зачем вообще в Варзугу приехал?

— А кто он, этот твой Михаил Александрович?

— Председатель райисполкома, вот кто.

— Так ведь и ты, брательник, был вроде когда-то зампредом, что ли, в районе?

— Ты эту тему не трожь. Был. Да вот через таких, как ты, и сижу нынче здесь, у черта на куличках. Дальше, видать, дороги нет. Но сижу прочно — сам знаешь, что председателем колхоза поставили, почет и доверие, так сказать...

— Ну, доверие, допустим, еще заслужить надо. А за что тебя из райцентра вытурили — ты мне так и не рассказывал.

— Заслужить... Вытурили... — Павел вдруг с нескрываемой злобой взглянул в глаза Фантину. — А потому вытурили, что нашего деда Егора спасти пытался. Когда положили мне на стол бумагу из рыбинспекции, думал, мало ли в Варзуге Заборщиковых — кто знает, что этот именно наш? Ан нет. Сам, старый болван, телячья его душа, всё на суде рассказал. Мол, испокон века так жили, рыбу солили...

— А для чего солили, рассказал? — весь подобрался Фантин.

— А как же! На той семужке он нас, сирот, грит, вырастил. Тут же и похвастался — тебя вспомнил, сестру с братом, меня в первую очередь. Расколосся, в общем.

— Ну а ты что?

— А что я? Если поначалу и была возможность дело его на тормозах спустить, то опосля пришлось самому каяться. Малолетним, говорю, был. Не понимал, что к чему. Не мог браконьеру по рукам дать...

— А рыбу жрать мог? — потемнело в глазах у Фантина.

— Ты на меня не кричи, не хозяин в доме, — привстал Павел. — Если сам тонешь, то зачем другого за собой тянуть? Ему на полную катушку три с половиной года намотали, а я здесь при чем? Однако в области долго разбираться не стали — кому нужен в начальниках браконьерский выкормыш...

— Браконьерский, гришь? Выкормыш — это точно. А вот за браконьерского я тебе еще добавить должен...

Не помня себя, Фантин уже держал брата за грудки. Выбежавшая на шум Павлова супруга, как была в нижней рубаше, бросилась разнимать братьев. В этот момент стала тускнеть горящая над столом лампочка и, вспыхнув последний раз, погасла. В доме и за окном стало темно и тихо. От неожиданности Фантин разжал кулаки, по-

шатнулся и на ощупь направился к дверям. Задев пустое ведро у раковины, выругался и выбрался в коридор. Споткнувшись о свой же чемодан с брякнувшими в его нутре бутылками, оказался на крыльце. Вновь забрехала проклятая сучка.

ВАРЗУГА

После укрупнения, а проще говоря — ликвидации сел побережья, Варзуга, как губка, поначалу вобрала в себя три близлежащих деревни с их людьми и скотом, долгами и обидами. Вобрала, а потом так же легко, сжатая непредсказуемым для районных властей законом, вытолкнула беженцев еще дальше — в город, в область. Бросив отчий дом, человеку трудно сразу остановиться, осесть на одном месте. Если раньше худо-бедно, но держались люди друг друга. Уважив председателя, стар и млад выходил копать общественную картошку, хотя знали наперед, что всё равно сгниет она в колхозном сарае, прихваченная первым заморозком. Но был жизненный ритм, многовековой уклад, в котором делалась скидка и на подобные несуразности. Когда же по весне умерла роженица, не сумев из-за распутицы к сроку выбраться в районную больницу, когда в одном из сел не нашли управы на своенравную пекариху и всю зиму просидели на самодельном хлебе, почувствовав на собственных желудках реальность спущенных сверху указаний о ликвидации неперспективных деревень и сел — люди засобирались, и там, где еще работало отделение связи, стали писать письма городским родственникам, а с началом навигации снялись с насиженных мест. Не батожком подперли снаружи, а впервые навесили на двери еще крепких домов купленные накануне замки. Иные и этим рук марать не стали — словно на ближнюю тоню ушли из деревни с рюкзаками за плечами. Долгая же им выдалась на этот раз путина. Удачная ли?

* * *

...Фантин лежал в просторной горнице сестриной избы и прислушивался. Разбудили его доносившиеся со двора звуки. Встав с кровати и подойдя к окну, увидел одноногого колхозного бухгалтера Петра Симоновича. Глубоко продавив

протезом сырую землю, тот привычно и легко коллол не успевшие с зимы подсохнуть березовые поленья. Держа топор в левой руке, почти не наклоняясь, Симонович ловко ставил на чурбан поддетую лезвием чурку, а потом с размаху бил по топору тупым концом колуна. И, не глядя на выросший по обе стороны завал из расколотых дров, уже насаживал на топор следующее полено.

Дом был пуст. Сестра учительствовала в местной восьмилетке. И хотя уже начались каникулы, этим утром она вела трудовую практику.

— Надо ж, — подумал Фантин, вспомнив вчерашнюю ссору с Павлом. — Всею свое время. Не сестра, так брательник учит меня нынче грамоте. А я все о чем-то мечтаю. Будто жив дед Егор, будто подойдет сейчас и тронет за плечо, позовет на речку сети ставить. А вишь ты, как ему самому жизнь-то сети раскинула — от Варзуги до Урала — и все в крупную ячею...

Нионила Павлиновна Заборщикова по своей сути была добрым человеком. Добрым и несчастным. Во всяком случае, именно так она сама считала. А была несчастной, потому что всегда боялась: в детстве боялась вырасти — а вдруг ее, взрослую, никто замуж не возьмет? Учась в городе, в пединституте — боялась своей будущей работы в школе, а работая в школе — боялась ставить ученикам двойки. Ниле, а именно так звали ее на селе, всегда казалось, что на уроке самый неисправимый двоечник выбьет ей из рогатки глаз. Почему именно глаз и именно двоечник — она не знала, но была в этом уверена. Кстати, замуж Нила вышла сразу после получения диплома и первый год жила с мужем в городе. Но однажды она застала своего благоверного — уже немолодого, но перспективного доцента, читавшего в институте фольклор, — застала его в супружеской постели вместе с первокурсницей отнюдь не за изучением основ устного народного творчества. И Нила сразу же уехала в Варзугу, где полностью отдала себя педагогической деятельности.

Вторично с замужеством ей не везло — слишком скудным оказался на селе выбор женихов. Молодые парни, те, что после армии, были для Нилы Павлиновны не парой, она считала зазорным выходить замуж за своих бывших учеников, коими, впрочем, теперь были все варзугские ре-

бята. Но Нила все ждала своего жениха. И как ни странно — дождалась. Им оказался сосед — колхозный бухгалтер Петр Симонович.

Как они с Нилой сошлись — сказать трудно. Дело житейское. Вот только ни под каким предлогом Нила не соглашалась признать за Симоновичем права называться ее мужем, и тому приходилось ежедневно, прихрамывая, как бы тайком, задами, проникать в Нилин дом, а каждое утро так же скрытно, раньше всех, приходиться в контору. Село, конечно, знало об их отношениях, но Нила на шуточные намеки не отвечала и делала столь гордый вид, что жёнки отворачивались и прыскали в кулаки. Но молчали. Наверное, они все же жалели и уважали Нилу Павлиновну.

Потоптавшись в углу горницы у рукомойника и наскоро одевшись, Фантин вышел из дома. Завидя гостя-соседа, Петр Симонович обрадовался возможности перекурить. Он с трудом сдвинул с места ногу и, придерживая руками ремни протеза, подошел к завалинке. Поздоровались. Слово за слово, разговорились.

— Ты, вижу, парень хоть куда. Свободная птица. И отпуск, гришь, на пять месяцев дали? Мне в колхозе за полжизни на такой не наскрести. Да и незачем, — необидчиво рассуждал Петр Симонович, поудобнее уставляя негнущуюся ногу. — А я вот что скажу: море — дело хорошее. А, как-никак, домой-то тянет? Вот ты и прилетел, соколик, а где он, дом-то? Всё чущинником неприкаянным по парохедам да чужим полатам. Не надоело?

— Как сказать, отец, — молвил Фантин. И вдруг, задетый за живое, разоткровенничался. — Я ведь женился, свадьбу сыграли, вместе в море стали ходить, а она...

Фантин замолчал.

— Вот-вот, и я то самое говорю. Хоть мы с тобой и разное поколение-то, — а болит, — хлопнул ладонью по протезу Петр Симонович. — Болит, сучье вымя, а оттяпали ведь давно, еще в молодости. Знать, выше бери — когда в сердце стукнет, тогда и болеть перестанет. Вот ведь какие пироги, соколик. А ты не мучься, не упрячься — пусть болит. Боль, она что та же жилка. Пока держишь в натяжении — будто сам себя со стремнины к берегу выводишь. А дашь слабину или дернешь сильнее — упустишь, порвешь. Потом кидай блесну вдругорядь — всё попусту...

У нас в колхозе сегодня общее собрание. Придешь на собрание-то? Приходи-приходи. Мне выступать, а ты слушаешь. Своему, местному — это полезно бывает...

Тот, кому ни разу не довелось присутствовать на колхозном собрании в отдаленном селе Терского берега, мало что поймет, даже отсидев три-четыре часа в переполненном клубе. При кажущемся на первый взгляд беспорядке, когда задние ряды то и дело выходят на крыльцо покурить и через открытую дверь доносятся обрывки фраз и здоровый мужской смех; когда сосед слева о чем-то горячо доказывает сидящему справа от тебя старику, а тот, глуховатый, переспрашивает — даже в этой атмосфере кажущейся бестолковщины ответственному работнику районного звена надо быть готовым к любой неожиданности. Кто-кто, а председатель Терского райисполкома Михаил Александрович Штарев понимал это и бдительно следил за ходом собрания. Следил, пытаюсь поудобнее устроить свое дородное тело на скрипучем стуле варзугского клуба. А тем временем председательствующий на собрании Петр Симонович уже несколько раз с тревогой поглядывал в его сторону, пытаюсь уловить не столько реакцию руководителя, сколько опасаясь за судьбу ветхого клубного имущества...

Так вот, Штарев, который, если подсчитать, месяца полтора в году просиживал на подобного рода собраниях-совещаниях, активах и конференциях, — нынче он все же нервничал. Кажущееся безразличие собравшихся здесь колхозников к обтекающим и малозначащим словам отчета председателя колхоза Павла Павлиновича; к цифрам отчета финансового, которые озвучил ироничный и себе на уме колхозный бухгалтер Петр Симонович; к призывам представителя областного рыбколхозсоюза крепить и приумножать коллективную собственность, — при всем при этом Штарев не без удивления отметил, что к началу выступления начальника районной рыбинспекции в зале стало тихо и все курильщики оказались на своих местах. Надо сказать, что у предрика, то есть председателя райисполкома Штарева, был повод для волнения. Именно через это собрание надо было протащить несколько спорных и довольно-таки щекотливых вопросов. В частности, о судьбе семужьих тоней у пустующих ныне сел. И хотя этот

вопрос уже решен как в области, так и в районе — последнее слово оставалось за колхозниками. И если они заартачатся, если скажут «нет» — никто не в силах пойти против общего собрания.

«Такова эта чертова колхозная демократия, — устало подумал предрика. — Как аппендикс на здоровом теле общества. Его надо удалять, пока сам не загноился. Но Варзуга посильнее, чем другие колхозы района, — здесь этот номер не пройдет. Надо потихоньку, не сразу, тихой сапой. Здесь нажмешь посильнее — все дело испортишь».

Но на этот раз обошлось. Вылезшего на трибуну районного рыбинспектора слушали внимательно, однако к выдвинутому им предложению о передаче семужьих тоней бригадам гослова остались равнодушны. Очевидно, от него зал ожидал чего-то большего, о чем тот не обмолвился. Чувствуя, что собрание катится к концу, Штарев повеселел. Но когда осталось последнее — выбрать председателя колхоза — произошел сбой. В самый неподходящий момент проснулся доселе, видно, дремавший дедок:

— А кто нашему председателю ёколожию реки рушить дал право? — выкрикнул дед тонким голосом. Зал притих.

— Чего-чего? — даже привстал с места удивленный Штарев.

— Ёколожию, говорю, рушит. Давеча тёлегу пёска себе на огород с реки вывез, — еще больше накалялся в праведном гневе дедок. — Доколя?

И тут вместе со смехом из зала раздались выкрики:

— В лавке кроме консервов никакого продукта нет. На одной водке план гоним...

— Почему села соседние порушили, людей из домов повыгоняли? Скоро и до нас доберетесь...

— Дохтура ищ городу наешшали, щубья повыдерали. Гря, череш неделю вернемся — шелешные фстафим. Фот я фторой месяц и шапелявю...

И прорвало, и понеслось. Словно покатила с обрыва обратно к реке та злополучная Павлова телега с песком:

— Давайте снимать Павла. Хватит, покомандовал!

— А кого в председатели-то выберем?

— Да хотя бы тебя, старая. Всё одно он только у жены под юбкой дела решает...

— Да тише вы, дело говорить надо...

— А вот Петр Симонович чем не председатель? А что на одной ноге — так это еще лучше, далеко не убежит!

— А что, Симонович колхозную копейку считать умеет!

— Ну и порешили. Голосуем...

* * *

Казалось бы, что может быть беззащитнее брошенного на лед белька — с проломленным носом, но живого, теплого, дышащего... Еще утром, уставившись доверчивыми круглыми глазами на человека с длинным шестом в руках, в этом маленьком тельце торжествовала жизнь. Удивление так и осталось в зрачках, взорванных изнутри болью расколотого черепа. Но этому бельку не повезло: с трудом отдирая ото льда прихваченные морозом рваные ласты, не удивлением, а длящимся страданием и жалобным визгом прекратит он существование на этой непознанной планете, пытаясь выбраться из сваленных в кучу битых тушек себе подобных.

Так ли уж велики страдания белька? Кто знает, но страшно подумать, что он догадывается о другом, истинном своем предназначении и цепляется не за эти последние минуты жизни, а за несбывшийся, запрограммированный где-то в токах крови, насильственно прерванный цикл превращений из белька в хохлушу, из хохлуши в серку, из серки во взрослого тюленя, познавшего не только чувство свободного парения над морским простором и тяжелые, тугие толчки в желудке, заполненном проглоченной крупной тресчиной, — но и бессознательно уверенного в своем бессмертии в нескончаемой череде неслучайных превращений. Но вот через несколько часов утомительной работы на подвижных льдинах и холодном ветру человек наклоняется над отползшим в сторону раненым бельком, рывком переворачивает его на спину и привычно, словно расстегивая молнию на куртке, распахивает ножом меховую шкуру, оттягивает ее на себя, подрезает сцепления мяса у катарок, одновременно согревая свободную руку в сыром тепле еще живого тела. Вдруг лезвие чуть-чуть царапает палец, и человеческая кровь смешивается с тюленьей. Заметив это, охотник удивленно подносит

к глазам ладонь, еще не веря в непоправимость случившегося.

Каждую весну кто-нибудь из мужиков возвращался в село, оставив на морском припае пораненный палец. Слишком велика, наверное, ненависть к человеку в крови беззащитного белька, раз так и не нашли врачи противоядия на этот случай. Знать, среди животных враги и друзья даны нам от рождения. А среди людей? Симпатии и антипатии не в счет. Скользкие шелковые нити родственных связей порой больше ножа впиваются в сердце...

Сидя на корточках у мертвой туши тюленя, выброшенной на песок отлива, Фантин словно впервые разглядывал свою четырехпалую ладонь, вспоминая ту уже давнюю, единственную в его судьбе зверобойку, когда ветер и течения пропихивали через беломорское горло льдины с едва народившимися детенышами. Били зверя по старинке, баграми с тяжелыми и тупыми коваными наконечниками. Били по носу, проламывая еще мягкие кости черепа. А потом сволакивали тушки в кучу, бросали на расстеленную по льду сеть, за которой прилетал вызванный с берега вертолет, чтобы в этой огромной авоське доставить добычу в село для дальнейшей обработки. Мясо выбрасывали — даже собаки его не ели, а вот шкуры-хоровины сушили — мех белька ценился на поморских ярмарках. Но именно белька, поэтому промысел был скоротечным: уже на вторую неделю белек рыжел и превращался в хохлушу, а потом в серку — почти взрослого морского зверя.

...Повторный длинный гудок вывел Фантина из оцепенения — за рулем «газика» сидел и упорно давил на баранку районный рыбинспектор. Фантин скинул навалившееся наваждение, вернулся в действительность. Он вспомнил, как после собрания кучковались на крыльце клуба мужики, как Штарев о чем-то шушукался с рыбаколхозсоюзским начальником. Выждав момент, Фантин подошел, спросил:

— Люди бают, что вы, Михаил Александрович, сегодня собираетесь выбираться в райцентр. Может, и для меня место в машине найдется? С брательником и сестрой я повидался, а боле мне здесь и делов-то нет. Самолет ждут только во вторник, а сегодня суббота...

Штарев, задумавшись на мгновение, широко улыбнулся:

— А почему бы и нет, Фантин Павлович! Буду только рад — место в машине найдется. Мы вот собрались по пути проинспектировать несколько рыбацких тоней, переночевать в Сельне, а потом двинуть в райцентр. Так что составьте компанию, дорогой и поведаете нам, сухопутным крысам, о житье-бытье за границей, в иностранных портах...

Замысел предрика был прост: забравшись в такую глухомань, что толку спешить-возвращаться домой, если можно с пользой провести время и подышать свежим воздухом. То есть было решено остановиться на полпути между Варзугой и райцентром в пустующей Сельне у Семена Семеновича — пастуха колхозных телят и единственного на тот день жителя вымершего села. А Фантин... Фантин отдыху не помеха. Он для района отрезанный ломоть, его можно не стесняться, а при надобности какой пригодится в дороге.

Едва успев попрощаться с сестрой, Фантин уже трясся в машине. Штарев развалился на переднем сиденье и сладко потягивался. Дойдя до моря, дорога пошла куйпогой по плотному и твердому песку отлива. Стемнело. Фантин выбрался из машины и в ярком свете фар побежал вперед, показывая наиболее верный путь среди выброшенных на берег бревен, досок и еще черт-те чего, вплоть до этой туши дохлого тюленя, у которой он присел на корточках и вспомнил давнюю зверобойку. Впереди уже виднелась длинная коса, намытая своенравной, бурной и короткой, как летняя ночь, Сельной. Вверх по реке, в нескольких километрах от моря, был водопад. Там-то, у широкого разлива вечно шумящего падуна, и стояло некогда многолюдное, по поморским меркам, село.

Нащупав колею, «газик» перевалил через травяной бугор и горой пошел вдоль реки. Фантин решил идти пешком. Было как-то неудобно махать руками, чтобы остановить машину, а главное — хотелось побыть одному, оглядеться, отдышаться, подумать о прожитом дне, в котором, как в самолете с посылочными ящиками, его бросало от брата к сестре, от Петра Симоновича к Штареву — бросало не по своей воле, а будто бы по чьей-то прихоти или злему умыслу.

В детстве Фантин хорошо знал эти места. Но за последние годы прибрежный лес поредел, река

обсохла, и к ее берегам вплотную подступил движимый ветром песок. Не найдя себе преграды, он уже давно хозяйничал на открытом морском мысу, пытаясь повалить двухметровые кресты старого кладбища и обнажая белое, как высохшая кость, дерево гробов. У самой реки берег защищал густой можжевельный лес. На отдельных кустах можно было найти прошлогодние темно-синие и еще зеленые, сей год выросшие ягоды. «Что детишки в семье, — подумал Фантин. — Старшие и младшие. Вместе на одной ветке». Он кинул в рот несколько твердых спелых ягод и ощутил вяжущий, какой-то аптечный, привычный и приятный вкус.

«Да-да, как губы у Наталки», — вспомнил Фантин тот рейс в Атлантику к берегам Канады и неожиданное, не понятное для него бегство супруги. Конечно, со временем боль притупилась, но не вернулась радость жизни. Даже заходы в инпорты потеряли интерес. Побывав в десятках различных стран, его, как каждого моряка, тянуло на берег, домой. Но чем ближе к родному порту подходило судно, тем сильнее накатывала хандра. Потому что не было во всем этом большом городе и сотнях других городов места, где бы его ждали, любили, где бы он был кому-то нужен. Нужен не отделу кадров как высококвалифицированный матрос, а любимой женщине. Наталке? Он уже и сам не знал — ей ли? И вот Фантин оказался здесь, на побережье. Но почему же, только прилетев в Варзугу, он уже бежит из нее с какими-то чужими людьми? И куда, куда?

Резкий дух гниющей рыбы оборвал мысли. Запах стоял стеной. Казалось, что он осязаем, и Фантин попятился, не удержавшись за колючие ветки можжевельника, оступился, заскользил по песку с невысокого откоса. Легкий ветер, подгоняемый течением реки, пластался над омутами и здесь, внизу, был свеж и целебен. Глядя по сторонам, Фантин сделал шаг вперед — и вновь лезвием ножа полоснул по лицу тошнотворный, ни с чем не сравнимый дух гниющей рыбы. Заткнув нос, опустив голову — как против сильного ветра, пошел он на запах падали. Чуть в стороне от дороги, за пригорком, вытащенными на берег топляками лежали полуистлевшие крупные рыбыны. Серебряными гривнами у черных вспоротых животов блестела крупная чешуя. Рой мух со звоном кружил над телами. Семга.

У Фантина потемнело в глазах. Шатаясь, он бросился прочь от страшной находки, выскочил на дорогу и вдруг — осознал увиденное. И ужаснулся, ошеломленный. Окружающую его тишину прорезал металлический звон черно-зеленой большой и блестящей мухи, которая кругами все ниже опускалась над головой. Постепенно этот звон перерос в нестерпимый гул. Какая-то сила вновь бросила Фантина с откоса, заставила вжаться в землю, заткнуть уши руками. На дорогу опустился вертолет.

ПОЧАСОК

...Подгнившие доски стонали и жаловались на судьбу. В старых, не раз уже клееных резиновых сапогах хлюпала вода, оставляя мокрые отметины на выбеленных временем деревянных мостках. Приподняв калитку, отворив и поставив ее на прежнее место, Семен Семенович неторопливо прошел к дому, опустился на крыльцо и с нескрываемым блаженством вытянул хрустнувшие в коленях ноги — наконец-то! Сейчас, не вставая, надо только захотеть, он нащупает под нижней ступенью лежащую там «тёщу» — этакую нехитрую, но столь нужную в хозяйстве штуковину, похожую на маленькую рогатину. Нащупает, вставит в расщеп «тёщи» сначала одну, потом другую пятку и легко стащит наземь сырые сапоги. Ныне он, колхозный пастух Семен Семенович Рогозин, был доволен собой, как может быть доволен усталый человек после трудной, но успешно выполненной работы.

Еще с вечера Рогозин решил забрать телят с островных лугов и перегнать стадо в деревню, в огороженную часть загона. Решить-то решил, но сдуру, не желая терять понапрасну времени на обходной путь, пошел напрямик через все еще непривычно полноводную для начала лета Сельну. В грех ввело, помережилось, что уж обсохла посреди брода песчаная корта, выросшая в самом узком месте речной заводи.

Первым в воду пошел большак — крупный и глупый теленок с белым пятном на лбу. Пошел смело, но оступился в яму и, подхваченный течением, едва выбрался на берег к ждущим своей очереди собратьям. Больше добровольцев не было. Не было и ходу назад: начинался прилив, отрезая об-

ходной путь по куйпоге. Бросив бесполезный кнут, Семен Семенович стал думать. Он знал, что кроме большака — этого официального, так сказать, формального лидера, в стаде обязательно должен быть почасок — теленок, за которым могут пойти остальные. Обычно этот почасок ничем не выделяется, кроме одной особенности — именно в такой критической ситуации он быстрее других сообразит, что ждать и топтаться на месте бесполезно. Физически слабее, он действительно становится лидером на час: спасая себя, идет за человеком, а за ним — и всё стадо. Потому что нельзя не пойти, не поверить в разумность поступка слабейшего. Но где он, как вычислить почаска среди сбившихся в кучу телят?

Рыжий задира отпадает сразу, как и сплошь черный узколобый воронок. Масть — это судьба. Вот и люди с их несхожими характерами те же телята у брода. Одному подфартило — выпала в начале пути одна масть. И он, уверенный, идет напрямик к видимой цели. А если обстоятельства сильнее его, если течением сбивает с ног — что может быть простительней искреннего недоумения в глазах большака? Другой мается, ищет свою масть. И рыжие его гонят от себя, и черным он не брат — а поди ж ты, выпадет счастье нащупать свою тропу, и тогда уже никакой силой ты его с нее не свернешь. Но сколько обид приходится испытать, сколько лет потратить — а вдруг всё зря? И где тот пастух, что увидит и разбудит в тебе почаска?

Семен Семенович подошел к невзрачному, казалось бы, совсем безучастному теленку, который стоял, широко расставив передние ноги, и лишь подергивал рваными клейменными ушами. Слегка подтолкнув его, осторожно повел к воде. Рогозин старался своим телом хоть как-то смягчить, принять на себя первый удар речного потока. Он чувствовал, как напряглось маленькое тельце, как крупная дрожь пробежала по нему, но даже на стремнине, поскользнувшись, не заметил в темных глазах теленка страха. Добравшись до корги, почасок сам вскарабкался на песок и, не оборачиваясь, побрел по мелководью. За ним, как малые ребята, отступая и суетясь, уже спешили остальные...

Последние дни Семен Семенович был счастлив. Сюда, в заброшенное село, вернулась его млад-

шая дочь Тая. И если раньше, затапливая печь в жилой половине дома, заваривая чай из мягкой травы таволги и грея руки о горячую кружку, — он все же бывал счастлив, то теперь потеплел душой. Жизнь обрела новый, давно забытый смысл, наполнила каждый поступок заботой не только о сегодняшнем, но и завтрашнем дне. Тая как бы соединила начало и конец, сплела в единую нить прожитый и предстоящий день. Так солнце за каких-нибудь полчаса прокатится коломом с запада на восток, вскарабкается по ветвям одинокой сосны, бросит первый луч — и, словно одна большая рыбина, море оживет, заиграет серебряной чешуей. «Дивья здесь жить», — только и может воскликнуть изумленный путник. Воскликнуть и уйти, чтобы вернуться вновь или хотя бы вспомнить в трудный час это море, солнце, берег...

Сидя на крыльце своего дома, Rogozin глядел на разросшиеся кусты смородины под окном, на забитый бурьяном огород и слушал неумолчный белый шум. Здесь, у водопада, река хлестала скалы гигантской плеткой перекрученных пенистых канатов падающей воды. Хлестала и захлебывалась в собственной злости. Только семга могла поспорить с ней в безрассудстве, когда, сброшенная с камней, плашмя шлёпалась в заводь и, оглушенная, уходила на дно, погружаясь в водоворот течений и инстинктов. А потом вновь бросалась навстречу течению и судьбе, выламывая жилистым хвостом мелкие камни падуна. Так было, так будет. И какое им — реке и рыбе — дело до одиноко сидящего на берегу старика и его забот? До единственного зрителя их извечной борьбы за существование.

* * *

Григорий Павлинович Заборщикова приходился старшим братом Павлу, Ниле и Фантину. Если с последним он не виделся с малолетства, то в этом году, став начальником геологоразведочной экспедиции на побережье, первым делом наведалься в Варзугу, к Павлу. На то имелись свои причины, далекие от просто родственных связей. К сорока годам Григорий был лишен тщеславной похвалы бышедшего в люди односельчанина. Как расходятся круги от брошенного в воду камня, так виток за витком жизненные дороги вводили его

от отчих мест. На этот раз предстояло вернуться на Берег лишь для того, чтобы с силой зашвырнуть тот проклятый камень на самую середину казавшегося в детстве огромным, как море, озера. Его жизненного озера. И он это сделает.

Поняв, раскусив мелкую сущность затаившегося, обиженного на судьбу Павла, Григорий быстро нашел с ним общий язык. Он играл ва-банк. Надо было не только доказать всем и вся свои организаторские способности как руководителя удачной — на этот счет сомнений быть не должно! — удачной и результативной экспедиции, но и попытаться, пользуясь случаем, наметить новые, более высокие орбиты своей карьеры. Для этого одних бумажных отчетов мало. Существовал другой, короткий и прямой, путь из периферийной глубинки через головы начальников территориального филиала в мягкие кресла министерского главка. Прямой и короткий, как само слово «рыба».

Да, семга открывала двери многих кабинетов. А если плюс к тому кого-нибудь из их хозяев удавалось заманить на рыбалку, если на заброшенной колхозной тоне закусывал Григорий с сырым на горло горе-руководителем от одного хвоста — тогда шел голый верняк. Такой с крючка не сорвется — мертво заглатывал наживку, а Григорий Павлинович своего шанса не упустит. Но за всё приходится платить: ты — мне, я — тебе. Именно поэтому важен был уговор с брательником, который очень кстати был председателем колхоза.

...В просторной, с притязанием на комфорт палатке начальника экспедиции в эту ночь горел аварийный свет. Не до сна было Григорию, когда узнал он от пилотов, заправлявших в Варзуге вертолет, что Павла на собрании «прокатили». Слишком многое поставлено на карту, чтобы дать задний ход. Еще зимой его люди разобрали по бревнышку избы в глухом, первым попавшем под колесо укрупнения селе, а нынче, установив лесопилку, гнали брус из столетних сосен. В обмен на этот брус да под нажимом председателя закрывали колхозники глаза на браконьерские пикники геологов, позволяли безнаказанно хозяйничать на дальних нерестовых реках. В доле было и районное начальство, и инспекторы рыбоохраны. То есть хорошо налаженный механизм должен был работать как часы — без сбоя и в любую погоду. Если сегодня он, Григорий Заборщикова — началь-

ник геологоразведочной экспедиции, то завтра — ответственный работник столичного министерства. И тогда будет всё: и квартира в Москве, и служебная автомашина, и званые вечера, на которых все ему будут завидовать...

Надо было спешить. Благо на сутки вертолет в его распоряжении. Разбудив пилотов, Григорий нервной походкой мерил росистую поляну. Вся его высокая, чуть сутулая фигура с перекинутым через плечо карабином выражала крайнее нетерпение. В утреннем тумане, по колено устлавшем землю, казалось, что это не человек, а какая-то большая хищная птица, выжидая добычу, подсакивает и топчется, готовясь взлететь на кровавую охоту.

До Варзуги было полчаса лету. Приземлились прямо за огородами брательникова дома, куда, пригнувшись, не дожидаясь, когда успокоятся винты, с сатанинским свистом разгонявшие утреннюю прохладу, метнулся Григорий. В доме его ждали. На столе рядом с ополовиненной бутылкой водки горела уже ненужная керосиновая лампа. Напротив Павла, положив локти на стол, сидела Нила.

— Ну вот, все святое семейство в сборе, — входя в горницу и ставя карабин в угол, пошутил Григорий. — Фантина только не хватает.

— Прилетел бы днем раньше — и его застал, — глухо отозвался Павел. — Что, поспешил соболезнования мне высказать? Давай-давай, мы, деревенские, завсегда городским рады, — потянулся к бутылке Павел.

И тут Нила стукнула ладонью по столу:

— Хватит паясничать! — ее твердый голос разнесся по избе. — А ты садись, — указала она Григорию на стул. — Что делать будем?

— Ладно, давай о деле. При Ниле можно, я ей все рассказал, — пояснил Павел.

— Это другой коленкор, братишка, — присаживаясь и соображая, что к чему, проговорил Григорий. — Сейчас слетаю на Сельну, сниму сетки — и пока достаточно. Всё, на сегодня лавочка прикрыта.

— Что ж, вот и ладушки, — восторженно воскликнул Павел. — Только в Сельну тебе нельзя. Туда Штарев с рыбинспектором поехали да рыбосоюзовское начальство. И Фантин, братец наш разлюбезный, с ними вместе. То-то встреча будет — не ждали, называется...

Дело принимало неожиданный оборот. Павел не знал, что последний раз, когда семга прямо-

таки дуриком шла в руки, Григорий пожадничал, напотрошил полиэтиленовый мешок красной икры, килограммов десять получилось. А рыбу оставил — вертолет не телега, лишний груз не возьмет. И если с рыбинспектором еще можно было бы сговориться, то неизвестно, как он себя поведет при Штареве. Хотя и сами они, конечно, не водопадом любоваться на Сельну поехали. Но одно дело — сети, другое...

— Раз так — собирайся. Водка еще есть? Бери. Полетим вместе, — приказал Григорий Павлу. — Какой из тебя председатель — размяк, колхоз проворонил. А еще в начальники лезешь... А ты молчи, после разговоры разговаривать будем, — повернулся к пытавшейся было что-то сказать Ниле и, смягчившись, добавил: — Погоди, сестренка, не до тебя. Иди спать — Петр Симонович, небось, заждался...

Нила вспыхнула, встала и, не прощаясь, направилась к дверям. Вслед за ней, подталкивая Павла и прихватив за ремень карабин, вышел Григорий. Завидя их, пилоты запустили не успевший остыть движок.

Выйдя на улицу, Нила расплакалась. Стоя среди разбуженного села и всхлипывая под залихватный лай собак, ей хотелось тоскливо завывать, глядя на исчезающий в белесом небе вертолет. И она разревелась бы как девчонка, но почувствовала на своем плече сильную и шершавую ладонь Петра Симоновича. Закусив губу, Нила прижалась к ней щекой.

— Полетели на Сельну... Что же будет, Петруша? Что делать?

И вдруг, отстранившись, почти выкрикнула ему в лицо:

— Ведь ты теперь председатель. Решай! Там же Штарев, Фантин!..

* * *

Когда в толстых стеклах салона показалась лента Сельны, когда сквозь белый шум водопада сидящий на крыльце Семен Семенович услышал гул вертолета, когда к дому Рогозиных по скрипучим мосткам уже подъезжал «газик» с незваными гостями, когда, ошарашенный страшной находкой, остолбенел Фантин, пронзенный металлическим звоном черно-зеленой мухи, звоном, переросшим

в нестерпимый гул железной птицы, — в эти минуты Петр Симонович вместе с Нилой, верхом, прищипывая колхозных лошадей, уже миновали околицу Варзуги и вышли на короткую лесную тропу к Сельне.

У ПАДУНА

Взобравшись по одинокой засохшей на корню сосне, солнце повисло над берегом. Не дойдя до Фантина нескольких шагов, Григорий стоял и улыбался, разглядывая брата. Ему действительно было приятно узнавать в заматеревшем крепыше вечно путавшегося под ногами Фантика. Среднего роста, широкий в кости — сейчас он казался чуть низковатым из-за оставшейся с детства привычки, набывчившись, в упор смотреть на встречного. Прямой взгляд из-под непослушного чуба — и ведь успел-таки заметно поредеть! — выдавал в этом почти незнакомом мужике вчерашнего младшего брата. Впрочем, светлые, всегда удивленно-восторженные глаза потемнели. В них уже нельзя было, словно в чистом звонком ручье, прочитать-пересчитать все до единого камешка-мысли. А две глубокие морщины между бровями делали лицо вопросительно-настороженным, и только верхняя пухлая губа чуть приоткрытого рта с готовым вот-вот сорваться вопросом выдавала прежнего братишку.

Фантин тоже не узнал бы Григория, встретиться они на улице в суе повседневных городских забот. Предприняв однажды безуспешные поиски старшего брата, он после армии как-то безболезненно вычеркнул его из своей судьбы. Но сейчас, ошеломленный случившимся, Фантин, как ни странно, был готов к этой встрече. Так много событий и впечатлений обрушилось на него за последний день, что невозможное казалось возможным. И не было времени осмыслить происходящее: Варзуга, ссора с Павлом, встреча с Петром Симоновичем, колхозное собрание, эта поездка в Сельну, мертвый тюлень, гниющая семга — всё сплелось в нереальную, но прочную сеть, в которой, пытаясь выбраться, все больше и больше запутывался Фантин. И будь в этот миг на месте Григория сам черт с рогами — он бы не удивился.

Такие разные, но схожие какой-то внутренней нерастраченной силой, они стояли друг против

друга. Фантин первым бросился к брату, неумело ткнулся ему в щеку, обнял. Больно ударившись лбом о дуло карабина, хватал за руки, за плечи: брательник, ведь это ты, братка! И они, как в детстве, устроили шумную и радостную потасовку. Потом, завидя у вертолета Павла с рюкзаком в руках, Фантин кинулся к нему, потащил к Григорию, глупо улыбаясь и стараясь разом обнять обоих.

— Ну, здравствуй, Фантин, здравствуй. Давненько не виделись — вырос, вон Павла почти догнал. Но со мной тебе тягаться все равно рановато, — приговаривал Григорий. — Я тут случайно, значит, в Варзугу прилетел, говорят, младшенький-то наш объявился. Ну и сюда, к тебе, братья все-таки. Сколько лет, сколько зим...

— Да-да, это очень хорошо, Гриша, что ты сюда прилетел. И ты, Павел, — говорил Фантин. И вдруг вспомнил о страшной находке:

— Пойдемте, я вам покажу одно место... Ведь это что получается — дедушку нашего, Егора, ведь в тюрьму, а тут... Тут я без суда и следствия к стенке бы ставил...

Суетясь и царапая руки о можжевельные кусты, Фантин привел братьев к пригорку, за которым лежала полуистлевшая рыба. И как-то разом умолк, вновь пораженный страшным зрелищем. Широко раскрыв глаза, недоуменно смотрел на обсаженную мухами семгу Павел. Взгляд Григория был спокоен.

— Ну и что интересного ты здесь нашел? — брезгливо произнес он. — Растяпа какой-то припрятал от рыбинспекции, да и забыл по пьяному делу. Не ожидал, Фантин, — столько лет не виделись, а ты старших братьев по помойкам водишь... Пойдем к Рогозину, а то, чай, после этой вони и закуска в рот не полезет. Ведь надо вспрыснуть встречу, как думаешь, Павел?

Павел медленно перевел взгляд на Григория, качнулся и вдруг с силой, снизу вверх, ударил его в подбородок. Тот упал, быстро, как кошка, поднялся на ноги и наставил на Павла дуло карабина. Фантин бросился между братьями...

* * *

В доме у Рогозина гости разливали первую бутылку. Застольем хороводил Штарев, то и дело

поглядывая на обеспокоенную, словно в воду опущенную Таю. Вид простоволосой девушки в накинутом на плечи толстом свитере отвлекал от дальнейших мыслей. Хотелось расслабиться, хоть на время сбросить трущий шею хомут повседневной ответственности. Почти силой усаженный за стол Семен Семенович долго отказывался от угощения, но все же пригубил и раз, и два, и три, раскраснелся, стал старательно вслушиваться в общий разговор, некстати поддакивать.

— А что, отец, хорошо семга сей год идет? — подмигивая рыбинспектору, допытывался Штарев. — Сам-то, поди, уж засолить успел, а почему гостей не угощаешь? Сеточки ставишь, али как?

— Дак шо сети, на шо они нам? — серьезно объяснял Семен Семенович. — В отлив по куйпоге камбалку в ямках соберешь — вот и варя. У падуна каку оглушенну рыбину подберу — нам с доцей больше не надоть. В уху ин на жареху сгодится. А то в бочку, в тузлук. Поди, доца, там в сенцах одна вычерканна есть, без душины...

Проводив взглядом Таю, Штарев продолжал, подзуживал старика:

— А что, Семеныч, разве хорошо вот так бобылем на отшибе жить? Ни тебе магазина, ни кина, ни вдовушки-соседушки. Словом, чай, не с кем перекинуться. И дочь возле себя держишь — разве это дело для молодой девки с отцом на отшибе сидеть?

— Тая — дак что она? Приехала — я рад. Здесь и ее дом, здесь и живем. Другого нетути.

Обеспокоенно поглядывая на отца, Тая поставила на стол тарелку красной, крупными ломтями нарезанной семги. Закипел самовар, стали пить чай, обсуждая план дальнейших действий. Решили взять у Рогозина и поставить в заводи одну сеточку, а самим размяться-побаловаться со спиннингом. Стали переодеваться, готовить снасти, а Тая тем временем тайком прошмыгнула за калитку. Она видела, как к заводи спустился Штарев со своей компанией, как отец подвел их к легкой лодочке, как ставили сети и кидали в пороги тяжелые блесна, как заиграла на солнце первая рыба и отец понес ее к костру, на котором уже стоял котелок с водой.

...Оставляя на песке глубокие отметины, впереди, с перекинутым через плечо карабином, шел

Григорий. По его следам, чуть в отдалении, хмуро вышагивал Павел, не обращая внимания на недоуменные взгляды так ничего и не понявшего Фантина. Подойдя к селу и поднявшись на крутой угор, братья заметили Рогозина. Рядом с ним тоскливо дымил бесцветный на утреннем солнце костерок.

— Спускайтесь к старику, а я схожу на падун, разведая обстановку, — нарушил молчание Григорий. Не дожидаясь ответа, он свернул с тропы, исчез в прибрежных кустах. На молодой траве была расстелена линиялая рыжая скатерть с начатыми и еще не открытыми банками консервов, лежали две ковриги ржаного хлеба, вокруг закопченного котелка белела ждущая своей очереди очищенная картошка. У заводи песок придавила ветхая деревянная лодка с задранном кверху подвесным моторчиком. На ее корме лежала некрупная рыба.

Обрадовавшись новым гостям, Семен Семенович поспешил им навстречу, выхватил из рук Павла и едва не уронил рюкзак с глухобрякнущими бутылками. Стал извиняться.

— Ну и день сѣдни поратна гостей. Седайте, парни, а я тут-ка похозяеваю маненько, — не умолкая, приговаривал Рогозин. — Угощение наше аховское, ну дак кака деревня — така и передня. Не обессудьте...

Фантину было приятно слушать затейливый, пересыпанный местными словцами говор старика. Его речь звенела и подпрыгивала, разбиваясь о забытый, не совсем понятный смысл каждого слова. Закурив, Фантин взялся помогать, дочистил картошку, подбросил плавника в почти потухший костерок. На душе немного отпустило, полегчало. Сполоснув руки, присел, приступил было разделять подсохшую на солнышке толстобокую семужину.

— А ведь это братец наш, Григорий Павлинович, рыбу-то сгноил, — вдруг произнес молчавший до этого Павел. И словно кто одним ударом узкого лезвия ножа вспорол брюшину мучавшей Фантика догадке, вывалил на растрескавшиеся доски крупные зерна дурных предчувствий.

Заметив неладное, забегал-засуетился Семен Семенович, стал, как собака, заглядывать братьям в глаза. Фантин медленно поднялся с колен, распрямил затекшую спину...

* * *

— Ой, кто это?! — не отнимая от глаз чьи-то ладони, вскрикнула Тая.

— Это я, Миша. Для всех Михаил Александрович, а для тебя, красавица, просто Мишуня... — произнес Штарев, спуская руки на плечи девушки. Черный, будто приклеенный чуб залихватски свисал с потного лба. Да и весь он был каким-то ненастоящим, как только что сошедший с дешевой лубяной картинки довольный жизнью мелкий лавочник.

— Не надо, Михаил Александрович, — увернулась Тая от слишком смелых пальцев Штарева.

— Надо, не надо — это мы с тобой потом решим. А вот скажи-ка мне, Таисия Семеновна, кто это успел сеточки в заводи раньше нас раскинуть? Да не простые, не местного производства — с ловушками и карманами: сегодня ему в самый раз улов-то вынимать — рыбы что грязи понабилося. Ведь за этикие штуки и с него, и с тебя, девка, спросить по первое число можно. Рыбинспектор вмиг акт составит. И свидетели есть. А в тюрьме таких недотрог ой как любят...

Он стоял перед Таей большой, широкий, похожий на привставшего на задние лапы медведя. Смазливое, улыбающееся лицо было рядом — и не столько по голосу, сколько по губам понимала Тая смысл произносимых слов, заглушаемых неумолчным шумом водопада. И надо было бы оттолкнуть от себя Штарева, но какая-то дремучая страшная сила сковала руки, заставила опуститься на траву. Штарев двоился, троился, заполняя своим массивным телом все пространство, не давая продохнуть, оглянуться, ответить. Или отвечать не надо? Надо только вот так обмякнуть, поддаться, затихнуть, чтобы медведь не заревел, не бросился, не подмял под себя...

Резкий одиночный выстрел, как спасательный конец, хлестнул по ушам, увяз в белом шуме падуна. Штарев оглянулся. На откосе с карабином в руке стоял человек.

— Ружьцом в наших заповедных местах баловать — разрешение надо иметь, — не спеша подошел к незнакомцу Штарев.

— Мы с вами уже встречались, Михаил Александрович, — протянул руку Григорий. — Заборщиков Григорий Павлинович, начальник геолого-разведочной экспедиции.

— Здравствуй, коль не шутишь, гражданин начальник, — ответил на рукопожатие Штарев.

— Я ведь специально к вам, Михаил Александрович. Вопросы накопились кой-какие, надо порешать вместе. А в райцентре разве вас застанешь: то вы в городе на сессии, то в столице в командировке. Вот и рискнул, узнав, что поехали в Сельну, встретиться в неофициальной, так сказать, обстановке. Да и познакомиться поближе, думаю, не мешало бы.

— Оно, конечно, так... — тянул время Штарев, пытаясь оценить ситуацию, выбрать манеру поведения. — Только все вопросы оставим все же на другой раз. Нынче выходной. И Таисия Семеновна вон продрогла вся. Пойдемте-ка, Григорий Павлинович, поближе к костру, а то за разговорами уху без нас похлебают.

Штарев вразвалку как ни в чем не бывало направился к зеленой лужайке, откуда уже доносились возбужденные голоса вернувшихся с рыбалки попутчиков. Злое, не по-июньски жаркое солнце до боли слепило глаза, отражалось от переполненной чаши беспокойной речной заводи. Пикник был в разгаре. В котелке дымилась прозрачная с плавающими по поверхности жировыми блестками уха, в глубокой миске остывали розовые куски вареной рыбы. Всех разговорчивее был рыбосоюзковский начальник. Как сползший в море неповоротливый на берегу тюлень, он вдруг преобразился, ловко и непринужденно вскакивал, громко и удовлетворенно фыркал на каждую шутку. Китайским болванчиком, скрестив ноги, сидел невозмутимый рыбинспектор.

У самого берега, отказавшись от угощения, присел на смоляной борт лодки Фантин. Обиженно всхлипывала увлекаемая течением вода, сквозь белый шум падуна долетали обрывки фраз, смех, звон стаканов. И если б кто-нибудь спросил сейчас у Фантина, а что ты, мил друг, делаешь здесь, зачем сидишь, чего ждешь? — вряд ли бы нашел он вразумительный ответ. Но кто спросит, кому он нужен? Впрочем, нет. Если собравшимся здесь людям не до Фантина, то у него еще остались кое-какие дела и счета на Берегу. Еще остался с детства навязший в зубах пряный, тошнотворный душок весенней дедушкиной рыбы «поморского» засола, рыбки, благодаря которой и он, и Павел с Григорием, и Семен Семенович с дочкой, да и, по-

жалуй, Штарев с рыбинспектором — все они выжили в голодные годы, а теперь вот насмеются, жрут уху с водкой...

Словно кто-то с новой силой рванул вцепившуюся в сердце блесну-обиду, Фантин поднялся, не помня себя, шагнул вперед, задышал, как выброшенная на берег рыбина, пошел к поляне.

— Ладушки, Григорий Павлинович, уговорил... А когда ты с нами расплачиваться будешь? Сеточки раскидал — раз, ружьем балуешься — два... Хватит ли денег али твоих руд золотиносных за всё расплатиться? — допытывался Штарев, похлопывая по плечу сидевшего рядом Григория.

— Он там, у моря, семгу сгноил. Десятка два рыбин. Икру взял, а рыбу бросил, — прервал разговор Фантин. И добавил: — Сволочь. Павел видел, я показывал. Жаль, не помог ему морду Гришке набить.

Стало так тихо, что было слышно, как в желудке рыбосоюзовского начальника что-то ёкнуло, заверещало и, прижатое громким иком, успокоилось.

— А ты почему молчишь, Павел Павлинович? — медленно, взвешивая каждое слово, выдавил из себя Штарев.

Обреченно махнув рукой, Павел поднялся и пошел прочь.

— Нет, постой-ка, братка! — в два прыжка догнал его Григорий. — Я еще здесь своего слова не сказал. А тебе будет полезно послушать, что старшие бают, раз сам за себя постоять не можешь.

Все произошло так стремительно, что Фантин как стоял, так и остался стоять, переводя взгляд с братьев на замолчавшего Штарева, на недоуменное лицо рыбосоюзовского начальника. Даже по дрогнувшим скулам инспектора рыбоохраны пробежало что-то похожее на удивление.

— Так вот, господа хорошие, раз уж не получается у нас пикничок, за что спасибо разлюбозному Фантину Павлиновичу, то позвольте задержать вас еще на несколько минут. Вот здесь вы все сидите, и весьма живописно, надо сказать, сидите и думаете, как бы злодея Григория Заборщикова скрутить и в кутузку бросить. Ан нет, не на того напали. Да и не за что меня в злодеи записывать. Вот Фантин по простоте душевной хочет мне морду набить. А за что? Разве я у старого деда Егора рыбу конфисковывал и протокол писал? Не-ет, не я. А вот такой рыбинспектор, что сидит сейчас

вместе с вами и глаза на меня пялит. А кто, почуввав опасность, вмиг открестился от нашего деда Егора? Так это братец мой Павел. А кто порядки эти завел, что в наших отчих местах можно за рыбий хвост в тюрьму сесть? А такие, как Михаил Александрович, который не то что одного беззащитного старика, а всех вас с Берега сгонит, по свету христарадничать пустит. Ему в морду, разлюбозный мой братец, и надо бы тебе метить...

— А ну, сидеть! — схватившись за карабин, прикрикнул Григорий на попытавшегося было встать Штарева. — ...И еще о Павле, о нашем председателе колхозном. Он размазня, с ним каши не сваришь — согласен. Но не я — вы его таким сделали. Дали власти попробовать и мальчиком для битья в селе держите. Поднапихали в Варзугу людишек, что сельдей в бочку, а Павла вместо затычки в ту бочку вставили. Ныне душок-то из бочки пошел — вышибли его с председателей. Ништяк, бочек много, и скоро брательник пригодится, чтобы им новую дырку заткнуть. Он послушный, на все готов... А Семен Семенович, этот добрейшей души человек, последний житель Сельны? Вот вам наглядная картина, что станет с Берегом через десяток лет. К этому вы стремитесь, вы, безмозглые хозяева безмолвных людишек? Впрочем, не хозяева — аборигены, да и только.

И что это я перед вами тут распинаясь? Через год-два от вашего Берега ничего не останется — голая земля, пустыня. Всё песком занесет. И мы, геологи, укажем, где надо дороги мостить, рудники строить, обогатительные фабрики ставить — вот будущее. А из этой заводи водоотстойник для очистных сооружений соорудят. Так что семги, которую вы сейчас жрете и друг другу в рот смотрите, — в помине не будет. И я здесь хозяин. И рыба — моя, и цыц мне — ни вас, ни меня сегодня в Сельне не было. А ты, Фантин, седай-ка в лодку, заводи мотор — сетки вытряхивать поедем. Вертолет ждет, а я им тут лекцию читаю...

Далее произошло то, чего, наверное, меньше всего ожидал сам Фантин. Повинуясь властному тону старшего брата, он столкнул плоскодонку в воду, запрыгнул сам и дернул взревевший мотор. Едва удержавшись на ногах, направил лодку к середине заводи. Не слыша криков с берега, Фантин видел близкие поплавки длинных сетей и на полном ходу зацепил, перерезал прочную верхнюю

бечеву. Развернув лодку, раз за разом утюжил днищем всплывшие обрывки дели с запутавшейся в них обессиленной рыбой. Подхваченные течением, рыбины скатывались вниз, тонули в ямах порога.

Вдруг, словно налетев на камень, нос лодки резко дернуло в сторону. Фантин не видел, не мог видеть, как вскинул карабин Григорий и заряд за зарядом всаживал в деревянный борт плоскодонки. Не видел и как с угора, перебирая копытами, спускались на взмыленных лошадях два всадника. Острая щепка резанула Фантина по щеке. Он обернулся, успев заметить кубарем выпавшую из седла и повисшую на руках Григория сестру. Внезапно плечо обдала обжигающая боль. Ватные пальцы разжали рукоять мотора, Фантин покачнулся и, потеряв равновесие, упал в воду.

* * *

...Наклонившись над братом и закрыв Фантину лицо мокрыми волосами с налипшими в них песчинками, Нила зубами затягивала на его груди тугую повязку. Отстегнув протез и растирая закованную культю, рядом сидел Петр Симонович. Это он с разгона направил лошадь в речную заводь, подплыл к перевернутой лодке, выхватил из водоворота безжизненное тело.

Впрочем, самого Фантина всё это уже не интересовало. Впервые за много лет он наконец-то сумел выбраться на спасительный берег, мимо которого в страшных снах его постоянно сносила несокрушимая стремнина. Раскинув руки, Фантин лежал на теплом песке. Из сжатого четырехпалого кулака тонкой струйкой уходил мельчавший песок. Где-то там, высоко в небе, исчез никем не замеченный, заглушенный белым шумом падуна вертолет.

Начинался новый день. И сильные серебристые рыбины, миновав устье Сельны, вновь и вновь в безрассудном порыве с разгона бросались на камни порога. Фантин был вместе с ними, и он знал, что нет и не может быть преграды на пути к нерестовым ручьям, к родному берегу, к продолжению рода.

Дивья здесь жить...

Виктор Сергеевич ГЕОРГИ —

*автор-составитель ряда книг серии «Капитаны
рыбного хозяйства СССР», публицистических
сборников «Байки старого Мурманска» и книг
о международных экспедициях карельского клуба
«Полярный Одиссей».*

С 2000 года живет в Петрозаводске.

